

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №10 18/10/2012– www.afficha.info

Время визуальных искусств.

Екатерина Богопольская

В октябре в Париже (сцена театра Le Centquatre и La ferme du Buisson) прошел 11-ый фестиваль «Temps d'images». По-русски его стоило бы назвать «Временем визуальных искусств». И это очень точное определение. В поле зрения фестиваля - эксперименты, на грани между традиционными искусствами и новыми медиатехнологиями, расширяющие пространство театральной выразительности. В общем, расширение территории традиционного театра.

Photo Daniel Glazer

При входе в театральный Центр «Le Centquatre» зрителей встречает инсталляция «Говорящие головы» («Speechless») швейцарских художников - видеастов Даниэля Глазера и Магдалены Кунц (Daniel Glaser, Magdalena Kunz). Посреди кучи старых чемоданов сидит кружком группа одетых в черное персонажей, назовем их путешественниками. Благодаря наложению видеоряда с лицом реального человека на головы скульптур создается чрезвычайно реалистичный эффект — полное ощущение присутствия реального человека. Глазер и Кунц называют свои создания «кинематографическими скульптурами». Лица путешественников, подсвеченные белым светом, вызывают ощущение жути: все смотрят куда-то вдаль или в пустоту, и издают, каждый по-своему, нечленораздельные вздохи, крики, междометия. Время от времени какофония голосов складывающиеся в своего рода пение. Какая страшная тайна отняла у них дар речи?

На том же принципе «кинематографических скульптур», но сделанных гораздо более искусно, строится спектакль «Фантасмагории» знаменитого канадского режиссера - экспериментатора Дени Марло (его театральной компании UBU, базирующейся в Монреале, исполняется в этом году 30 лет).

Спектакль состоит из двух частей. Первая сделана по пьесе «Спи, мой малыш» норвежца Йона Фоссе (2000).

Photo Max Tremblay

На фоне белого светящегося экрана или, другими словами, посреди ослепительно белой пустоты, висит этажерочка, на которой сидят три куклы–автоматы с удивительно выразительно вылепленными лицами. Потом неподвижно сидящие куклы начинают беседу. Причем вначале поражает не то, о чем говорят, а как - совершенно как живые. У каждого свое выражение лица, богатая мимика, они открывают и закрывают рот. И, наконец, у них человеческое выражение глаз. Принцип тот же, что в «кинематографических скульптурах» - видеозаписи лиц и голосов актеров, Селин Боннье и Поля Савуа, спроецированы на головы кукол. Между тем, три персонажа, одно лицо мужское, и два женских, рассуждают о странном месте, в котором они очутились. «Это ни на что не похоже», - говорит один. «Нет, очень напоминает моих детей»,- вставляет другая. «Я не знаю, сколько времени я здесь». «Я здесь не по своей воле, я не знаю, как я сюда попал». «Никто не знает, как мы сюда попали». «Сколько времени мы здесь». «Это нигде». «Нигде не существует». «Мы только что оказались здесь». «Мы здесь всегда». «Говори, говори», - парирует кукла-скептик, «всегда не существует». «Это любовь. Это то, о чем я всегда мечтала. Я растворен в любви...» - в финале. То есть это место, в котором не существует ни времени, ни пространства, но есть переполненность ощущением радости, любви и покоя.

Постепенно понимаешь, что пьеса Фоссе – о том состоянии, которое можно назвать полнотой, преддверием рая. И концепт спектакля Дени Марло, персонажей которого нельзя назвать живыми, но и мертвыми тоже не назовешь - очень соответствует этому состоянию между жизнью и смертью.

Вторая часть - одноактная пьеса Мориса Метерлинка «Слепые» (1890), в свое время считавшаяся манифестом его символистского театра. Эта притча - аллегория человеческого существования: слепые, живущие на острове, оставлены на произвол судьбы в лесу, вдали от приюта, и ждут поводыря. Но ожидание в тоске одиночества и страха оказывается бессмысленно: их поводырь, старый священник (т. е. вера), тихо скончался, о чем они узнают только к самому финалу.

Действие спектакля происходит в полной темноте – в зрительный зал публику тоже приводят поводыри. Над сценой видны только головы-маски, вылепленные из света посреди пустоты. У каждого из 12 –ти слепых свой характер. Мужчины, женщины, молодые, старые, все лица очень выразительны (маски оживляет тот же принцип видеопроекций), они переговариваются, плачут, вскрикивают, шепчут, и мы им верим.

Спектакль Марло реализует, кажется, мечтания самого Метерлинка о нематериальности актера на сцене: «А может, следует полностью удалить со сцены живое существо, заменив его тенью, проекцией или созданием, которое имело бы все внешние признаки жизни, но при этом не было бы живым?»

Photo Max Tremblay

«Слепые» - что-то среднее между инсталляцией и театром аттракционов, кажется, волшебник Марло вдыхает жизнь в то, что на самом деле есть лишь игра света, проекция и муляж. Впечатление невероятное, как будто нам, зрителям, физически передается «их» ощущение страха и безысходности, мы вместе с «ними» прислушиваемся в конце к страшным шагам Кого-то, кого мы слышим, но не видим. Тем не менее, некоторое сомнение остается – не то мы в театре, не то на спиритическом сеансе иллюзиониста. (Кстати, «Слепым» Дени Марло уже 10 лет назад - впервые спектакль был показан в Авиньоне в 2002 году).

Совсем в другом направлении работает итальянский театр *Anagoor*. На фестивале «Temps d'images» *Anagoor* показывает «Бурю» (*Tempesta*) - светозвуковую инсталляцию с участием перформеров, Анны и Пьерантонио Браганьоло, по мотивам произведений Джорджоне: название спектакля отсылает к самой знаменитой картине венецианского мэтра, «Буря». Театральная компания *Anagoor* обосновалась в родном городе Джорджоне, Кастельфранко, недалеко от Венеции, чем и объясняется обращение к творчеству живописца.

Photo Anagoor

На сцене - два небольших вертикальных экрана и большая коробка с прозрачными стенами, над которой поднимается дым, потом в воздухе чувствуется сера, слышны разряды молний, которые также появляются на экранах. Из коробки выходит юноша в трикотажном свитере с капюшоном рэпера. В сюите замедленных движений, причем каждое из них отражается на видеоэкранах, он переодевается, и когда появляется короткая красная куртка на голом торсе, облегающие чулки-штаны и высокий посох – словно оживает персонаж с картины «Буря». Тогда как внутри коробки обнаженная актриса принимает позу «Венеры спящей». Юноша-перформер повторяет и как бы расширяет образы, проецируемые на экране, идущие под аккомпанемент ренессансной музыки, или под гул ветров и крики воронья. Новое переодевание - появляется рыцарь, что-то вроде картины «Мужчина в доспехах». В финале, уже на видеоэкране Анна Браганьола застывает в позе «Юдифи». Между визуальными образами на экранах и живым присутствием актеров на сцене завязывается своеобразная игра, перформер одновременно там, внутри видео, где образ дается фрагментарно (каждый жест, каждая деталь предстает многократно увеличенной), и здесь, на сцене, где мы видим образ в целом.

Photo Anagoor

Театр «оживающей живописи итальянцев» (режиссер спектакля Симона Дерай) - редкий образец чисто эстетических поисков в мультимедийном мире, где в моде скорее анти-красота.